

«Именно они, - пишет он, - разделили общество на два класса: имущий и неимущий, класс санкюлотов и класс *собственников*, которых они возбудили друг против друга».

«Они, - продолжает Бриссо, - под видом секций постоянно надоедают Конвенту петициями, в которых требуют установления максимальной цены на зерновой хлеб».

Они посылают «эmissаров, которые проповедуют повсюду войну санкюлотов против собственников». Они проповедуют «необходимость уравнивать состояния».

Это они организовали «петицию 200 тыс. человек, объявивших, что восстанут, если не будет установлена такса на хлеб»; это они вызывали восстания по всей Франции.

Итак, вот в чем их преступления: они делили нацию на два класса, имущий и неимущий; они возбуждали один класс против другого; они требовали хлеба, прежде всего хлеба для тех, кто работает!

Еще бы не преступники! Однако кто же из ученых социалистов XIX в. выдумал что-нибудь лучшее, чем требование наших предков 1793 г.? «Хлеба для всех»! Теперь только слов гораздо больше, и меньше дела.

Что касается способов, какими они проводили свои идеи в жизнь, то вот они: «Многочисленность преступлений, - говорит Бриссо, - вызывается безнаказанностью; безнаказанность - парализованностью судов; анархисты же содействуют этой безнаказанности и парализуют все суды то угрозами, то доносами и обвинениями в аристократизме».

«Постоянные и повсеместные покушения на собственность и на личную безопасность, парижские анархисты каждый день подают пример этого; и их специальные эmissары, а также и те, которые украшены титулом эmissаров Конвента, проповедуют повсюду это нарушение прав человека».

Затем Бриссо говорит о «вечных протестах анархистов против собственников и купцов, которых они называют спекуляторами»; о том, что «на собственников они постоянно направляют оружие разбойников»; о ненависти анархистов ко всякому государственному чиновнику: «Раз только человек занимает какую-нибудь должность, он становится ненавистным для анархистов; он кажется им виновным». И не даром, прибавим мы.

Но великолепнее всего те места, где Бриссо перечисляет благодеяния «порядка». Нужно прочесть их, чтобы понять, что дала бы французскому народу жирондистская буржуазия, если бы «анархисты» не повели революцию немного дальше.

«Посмотрите, - говорит Бриссо, - на те департаменты, которые сумели обуздать ярость этих людей; посмотрите хотя бы на департамент Жиронды. Там все время царил порядок; народ там подчинился закону, хотя платит до 10 су (больше 20 копеек) за фунт хлеба... А все потому, что в этом департаменте проповедники аграрного закона были изгнаны и граждане заколотили клуб (Клуб якобинцев), где проповедовали этот закон... и т. д.»

И это писалось через два месяца после 10 августа, когда даже самым слепым было очевидно, что если бы народ повсюду во Франции «подчинился закону, хотя платит по 10 су за фунт хлеба», то революции вовсе не было бы, и королевская власть, против которой якобы боролся Бриссо, а также и феодализм продолжали бы царить, может быть, еще целое столетие, как в России¹.

Нужно прочитать памфлеты Бриссо, чтобы понять, что подготавливали для Франции буржуа того времени и что подготавливают и теперь бриссотинцы XX в повсюду, где может вспыхнуть революция.

«Беспорядки в департаментах Эр, Орн и других, - говорит Бриссо, - были подготовлены враждой против богачей, против спекуляторов возмутительными речами насчет необходимости добиться вооруженной рукой таксы на хлеб и другие жизненные припасы».

Затем Бриссо рассказывает относительно Орлеана: «Этот город с самого начала революции пользовался спокойствием, которого не могли нарушить даже беспорядки, вспыхнувшие в других местах вследствие недорода хлеба, хотя в Орлеане и находились большие хлебные склады... Такая гармония между бедными и богатыми не согласовалась с принципами анархии; и вот один из этих людей, которых порядок приводит в отчаяние и для которых смута - единственная цель, спешит нарушить это счастливое согласие, возбуждая санкюлотов против собственников».

¹ Луи Блан очень верно определил Бриссо, сказав, что это один из тех людей, которые «сегодня — республиканцы раньше всех других, а завтра — запоздалые революционеры», людей, у которых нет силы следовать за своим временем, между тем как раньше у них хватало смелости идти впереди его. В молодости он писал, что «*собственность есть кража*», а затем его уважение к собственности стало так велико, что уже после 4 августа 1789 г он порицал Собрание за поспешность, с которой оно издало свои декреты против феодализма, в тот самый момент, когда граждане обнимались на улицах от радости по случаю этих декретов.